

роился в Париже. Тут, не без побуждения французского министерства народного просвещения, имевшего в виду интересы Алжира, он издал на арабском языке грамматику французского языка (Париж, 1857), представляющую собою очень близкий перевод французской «Grammaire française» Lhomond'a. Авторитетный рецензент Г. Дюга, который сам составил за несколько лет перед тем грамматику французского языка для арабов, показал, что Хараирий обработал Ломона хорошо²⁹. В историко-литературном отношении для нас интересна, пожалуй, не столько грамматическая часть книги, сколько ее предисловие. Хараирий напоминает здесь своим землякам-арабам о их прежней научной славе и о их нынешнем невежестве. Надо примириться с французами, говорит он, надо усвоить их знания, а для этого надо изучить и их язык. Он приводит тексты из Корана и священных преданий, свидетельствующие, что мусульманская религия требует научного общения со всеми народами: «Ищи науки хотя бы и в Китае», «Изучай всякое ремесло от сведущих в нем, какой бы веры они ни держались», и т. п. По Хараирию, мусульманин, который гордится знанием Корана на память, а не понимает его духа (предписывающего терпимость к иноверцам), «похож на осла, везущего на себе книги». Это речение Хараирий с большим основанием влагает в уста самого пророка Мухаммеда³⁰. Кроме грамматики с этим либеральным предисловием Хараирий издал в Париже трактат по оспариваемому строгими мусульманами вопросу о дозволенности кофе для мусульман (1860), затем издал свою занимательно написанную книгу по метеорологии и физике, пригодную для широкой массы арабских читателей (1862). Для Дахдаха этот просвещенный мусульманин-парижанин явился вполне подходящим литературным соратником, и совершенно естественным было передать Хараирию в 1863 г. «Барджис», в котором он и до того играл видную роль. Еще в 1862 г. Хараирий издал в фельетонах «Барджиса» гранадскую антологию XII в. Фатха ибн Хакана³¹.

²⁹ Рец. Дюга (Dugat): JA, sér. 5, t. X, стр. 454—457.

³⁰ Действительно в Коране (LXII, 5) мы кратко читаем: «ка масал ахмари, йахмилу асфаран». Коран говорит эти слова про иудеев, не умеющих понять подлинного духа своей Торы; но в раннем исламском обиходе это речение сделалось обычной поговоркой и про неюдеев; ср. например, перебранку после битвы при Сиффине 37/658 г. (Динавари, стр. 214). В расширенном виде мы наиболее знаем это речение из стихов Гулистана Са'дия XIII в. (гл. VIII, рассказ 2): «Осед, везущий выюк книг, не делается от этого ни мудрецом, ни ученым. Да и может ли знать пустомозглая скотина, что лежит на нем: книги или дрова?» По-видимому, первый автор подобного стихотворения, еще на арабском языке, это Марван ибн Аби Хафса, ум. в 181/797 г. (см.: Суюти, *Музхир*, II, стр. 161). Без имени автора мы находим эти стихи в *Мурудж Мас'уди* X в. (III, стр. 139). У Хараирия больше близости к Корану.

³¹ Французский перевод Э. Бургада к этой антологии Фатха ибн Хакана *Кала'id* появился в Париже в 1865 г. Арабский текст перепечатан в Бейруте в 1283/1866 г.

Антология (*Кала'id*) — очень вычурного характера; но Хараирий начал печатать в фельетонах «Барджиса» и вполне простонародный роман про Антара.

На посту главного редактора Сулейман Хараирий не сумел, однако, приобрести того политического веса, какой был у Дахдаха; «Барджис» после 1863 г. закрылся. Хараирий, конечно, продолжал призывать мусульманский Восток к европейским знаниям. Путешествия арабов в Европу, для личного ознакомления с европейским прогрессом, он считал одним из очень важных средств успеха и в связи с этой тенденцией издал богословский трактат, где доказывал, что мусульмане имеют законное право питаться мясом животных, убитых на христианских бойнях. Теми же европензаторскими стремлениями проникнута и книга Хараирия о достопримечательностях Всемирной парижской выставки (Париж, 1867). Но после того Хараирий прожил уж недолго, он умер около 1870 г., и когда в Париж переселился со своим сатирическим органом «Абу Наддара» изгнанный из Египта Я'куб Сануа, Хараирий уже верных лет восемь лежал в могиле³².

Граф Рушейд Дахдах немало пережил своего литературного сотрудника. После прекращения издательства «Барджис» он вел в Париже спокойную жизнь богатого просвещенного барина. У него был в Париже прекрасно построенный дворец, где он собрал замечательную библиотеку арабских и арабоведных книг и, без спешки, продолжал кое-что писать по-арабски. В 1880 г. вышел в свет сборник, результат литературных досугов графа: *Камтарат тавамир* — «Связка всяких хартий», в смысле «Литературная смесь». Неизданным остался его исторический труд о лихоletье Востока *Бавар ал-маширик*. Судьба его ценной арабской библиотеки оказалась довольно печальной. Престарелый граф Рушейд Дахдах умер в 1889 г., и наследники сперва, более двадцати лет, хранили это ценное собрание. В конце концов, однако, они потеряли к арабской библиотеке всякий интерес и пустили книги в продажу. Произошло это в 1912 г., и свидетелем был знаменитый историк-писатель Дж. Зейдан, который как раз тогда посетил Париж³³.

V

Ризкалла Хассун (1823—1880). Воспитание в Халебе и переезд в Стамбул. Его стамбульская газета «Зер-

³² Сведения о Сулеймане Хараирии, по-арабски, можно найти: Шейхо, *ал-Адаб* (I, стр. 98) и Таррази, *Сихафа* (II, 119), покороче — Зейдан, *Та'рих адаб*, IV, стр. 236.

³³ См.: Зейдан, *Та'рих адаб*, IV, стр. 264. Тут дан и портрет покойного графа Дахдаха, очень импозантный. Насчет больших подробностей о Дахдахе сам Зейдан отсылает читателей к Тарразию: *Сихафа*, II, стр. 119. <См.: Graf, IV, стр. 330—331; Дагир, *Масадир*, стр. 361—363.>

кало современных событий» 1854—1855 гг. Протекция Фуада-паши и ненависть ренегата Фариса Шид-йака. Трактат Хассуна «Снятие покрывала с ислама» и бегство в Россию (1862). Стихи о Кавказе и благодатной Руси. Знакомство в Петербурге с баснями Крылова. Газетная деятельность Хассуна в Лондоне (1868—1880) в антитурецком и русофильском направлении; подозрительно скоростижная его смерть в 1880 г.— от султанского агента? Посмертный сборник памфлетов «Подтянувшись»

Голос эмигранта Дахдаха, раздававшийся из Парижа и поддерживавший в своих земляках, ливанцах в первую очередь, далеко не тщетные надежды на защиту их Францией (которая в 1860 г. действительно их защищала от турецких зверств), имел, нельзя спорить, известное значение. Он должен был по-сильно располагать арабов к Франции. А через несколько лет после парижского «Барджиса» зазвучал не в Париже, а в Лондоне совсем иной эмигрантский голос, более ядовитый и более энергичный, голос, который указывал арабскому миру спасительную стезю под эгидой России. Глашатай северной ориентации назывался Хассун (1823—1880)³⁴.

Родился Ризкалла Хассун в 1823 г.³⁵ в северносирийском городе Халебе, или Алеппо. Детские и отроческие годы Ризкаллы совпали со стихийными бедствиями, которым подвергся Халеб, и с началом возвышения другого города Сирии — ливанского порта Бейрута. Все же Халеб, даже лишившись половины населения, продолжал оставаться еще значительным и культурным городом, и иностранные консульства в нем продолжали составлять один из важных элементов общественной жизни. Отец Ризкаллы Хассуна был обарабившийся богатый купец-армянин, по вероисповеданию не армяно-григорьянец, а армяно-униат, иначе армяно-католик. Он сверх крупной торговли имел службу в австрийском консульстве г. Халеба в должности драгомана. Семья дала мальчику Ризкалле известное знание армянского языка, улица научила его языку арабскому, отчасти и турецкому; наиболее родным языком остался для него арабский. В австрийском консульстве, как это до последних времен бывало, ходовою речью была не только международная французская, но и итальянская: Австрия ведь владела значитель-

³⁴ О нем статья Крачковского *Ризкалла Хассун*. К этой исчерпывающей работе я могу прибавить лишь два-три штриха на основании тех сведений, которые я собрал от лиц, помнивших Хассуна, лет через десять после его смерти. На стр. 14—15, в прим., И. Ю. Крачковский перечисляет все известные ему печатные указания о Хассуне (Шейхо, 1910; Таррази, 1913; Зейдан, 1914; можно бы добавить *Машахир* того же Зейдана, II, изд. 2, стр. 143); но его статья много содержательнее их всех.

³⁵ Это отмечено на одном из его произведений. См.: Шмидт, *Четыре рукописи*, стр. 799, прим. 4.

ную частью Северной Италии и сильно обиталбяненной Далмации, откуда больше всего и совершалась австрийско-levantская торговля. Наверное, драгоман Хассун, отец Ризкаллы, сверх общеобязательной речи французской умел говорить также по-итальянски³⁶, и почти наверное можно думать, что Ризкалла французские и итальянские лингвистические познания получил прежде всего в детстве от отца; усовершенствовал же он свой французский и итальянский языки, когда был отдан в армяно-католическую школу или духовную семинарию на Ливане, в Бзоммар (в области Касравана). По-русски и по-английски Ризкалла Хассун выучился много позже.

Селение Бзоммар на ливанских горах имело красиво построенный армяно-католический монастырь, т. е. униатский, в котором занимал свою кафедру армяно-католический патриарх с титулом «патриарх Киликии и Сирии»; юрисдикция его распространялась и на армяно-католиков Египта. В 1839 г. был в этом монастыре ученый польский ксендз Игн. Головинский (вскоре митрополит всех католических церквей в России, а тогда профессор киевского университета) и, принятый здесь с замечательным радушием и доверчивостью, оставил нам в своем дневнике достаточно полное описание жизни в Бзоммаре. Патриарх (Григорий II, а как «патриарх Киликии и Сирии» — Петр VI), при котором учился здесь Ризкалла Хассун, был почтенный старец семидесяти лет, воспитавшийся в Риме и превосходно говоривший по-итальянски. При нем жило в монастыре многочисленное духовенство: четыре епископа, четырнадцать монахов, шестнадцать белых священников, да в семинарии готовилось к достойному прохождению духовного звания двадцать клириков. Семинария имела очень удобное помещение. В ней преподавали богословие и схоластическую философию, равно как армянский язык, в виде обязательных предметов, а необязательно добавлены были языки латинский и французский. Как поставлено было преподавание книжного арабского языка для бзоммарских воспитанников, родною речью которых была с детства разговорная арабская, о Головинский об этом не дал сообщения. Он задушевно беседовал с учащейся молодежью, нашел ее очень способной и любознательной (*bardzo chciwa nauki*), но не мог не обратить внимания, что семинаристы, засыпавши его множеством богословских вопросов, обнаружили чисто восточную склонность к мелочным тонкостям (*wschodnia ciekawość*

³⁶ Путешествовавший в 1839 г. ученый ксендз И. Головинский на основании личного опыта написал: «Я убедился, что с итальянским языком можно и без знания восточных языков объехать весь Восток. Нет городка, где бы более значительные купцы не говорили по-итальянски; нет монастырей, даже восточнохристианских, где бы тот или иной монах не понимал этого языка. Как в Европе господствует язык французский, так на Востоке итальянский. Это пережиток торговли и могущества прежней Венеции и Генуи» (см.: Hołowiński, *Pielgrzymka*, t. I, стр. 36).

i drobiazgowość). При бзоммарском монастыре — довольно богатая библиотека книг армянских, арабских, латинских, итальянских и французских: между латинскими — богословие Лигори, церковная история Наталиса XVII в. и т. п., а в отдельном замкнутом шкафу — даже *Il Principe* Макиавелли XV—XVI вв. Новых произведений кс. Головинский в бзоммарской библиотеке не нашел.

Самым образованным духовенством Востока Головинский вообще признал армяно-католическое³⁷. Позволяли ли бзоммарским семинаристам, в том числе, значит, и Хассуну, брать для чтения такие книги, как *Il Principe* Макиавелли, об этом в путешествии Головинского 1839 г. мы сведений не найдем. Но что Макиавелли был спрятан в особом замкнутом шкафу (к чему параллели мы и теперь можем видеть в тех аптечных шкафах, на которых сверху нарисован человеческий череп со скрещенными двумя костями и с надписью «яд»), это — сообщение достаточно знаменательное.

Окончивши семинарию, в которой он успел показать себя и арабским стихотворцем (ода в честь армянского епископа, посетившего Бзоммар), Ризкалла Хассун в родном Алеппо нашел приятную для себя литературную арабскую компанию в культурных семьях Маррашей и Даллялей. Семьи эти, понятно, были и купеческими. Ризкалла тоже совмещал литературные интересы с торговыми. По заграничным коммерческим делам своего отца он и в Европу съездил, побывал в Париже и Лондоне; повидал Египет, где реформы Мухаммеда Алиа успели уже принести значительные плоды (дело было в 1840-х годах).

Во второй половине 1840-х годов Ризкалла Хассун надолго осел в столице турецкой империи Стамбуле; кстати сказать, из всех арабов охотнее всех селились в Стамбуле халебцы³⁸. Старшим среди церковных архипастырей армяно-католиков в Стамбуле был (с 1843 г.) один из богатых родственников Ризкаллы Хассуна (по-видимому, дядя), по фамилии тоже Хассун. Рим папы Пия IX, кажется, не особенно полагался на преданность этого армяно-католического (-униатского) архиепископа-примаса Хассуна. Но аббат Мишон, много беседовавший с архиепископом Хассуном в 1850 г., считал его за искреннего приверженца если не буквы, то духа идеально понимаемой вселенской римской церкви, и это нравилось такому либералу-старокатолику, каким был аббат Мишон; аббат мимоходом отметил, что архиепископ Хассун много лучше говорил по-итальянски (он бывал в Италии), чем по-французски³⁹. Мечты архиепископа Хассу-

³⁷ См. там же, т. II, стр. 142—145.

³⁸ У консула Базили (1847) сложилось тогда впечатление, что почти все сирийские арабы, проживавшие тогда в Стамбуле, были алеппинцы (см.: *Сирия и Палестина*, ч. I, стр. 208).

³⁹ Michon, *Voyage*, t. I, стр. 225—226; ср. стр. 252—253.

на о вселенском соборе всех христианских церквей, всех исповеданий (конечно, и могущественной российской церкви на первом плане) были, разумеется, очень близко известны Ризкалле Хассуну; но не видно, очень ли они его увлекали. Его больше интересовали чисто мирские, чисто светские дела в Стамбуле. Тут, в Стамбуле, Хассун и женился (1848). На свадьбу он получил поздравительные стихи от престарелого поэта, известного своими и строго классическими, и строфическими стихотворениями (*мувашишат*) преимущественно панегирического содержания. Это был Бутрус Караме (1774—1851), ливанец, который жил в Стамбуле потому, что не захотел покинуть своего мецената, низложенного (1840) ливанского князя старика Башира Шхэба. Жертва со стороны поэта Караме была, правда, не велика: во-первых, Караме имел оплачиваемую должность переводчика в султанском дворце, а во-вторых — престарелый заслуженный ливанский эмир после своего низложения (вернее, добровольного отказа от власти) проживал в Стамбуле среди полного довольства, в высоком почете, и состоять в его домашнем кругу было лестно. Ризкалла Хассун нашел помимо шхэбовского круга немало других арабов в Стамбуле с литературною жилкою, в частности своих земляков-алеппинцев⁴⁰ (таких, как Филипп Банна), и с ними Ризкалла все более и более чувствовал свое призвание в литературе, а не в коммерции. Не менее должен он был укрепиться в этом направлении благодаря общению с Бейрутом, который под влиянием европейских миссионерских школ приобрел уже первые ряды новой арабской интеллигенции с европейскими литературными запросами. В Бейрут Хассун наезжал из Стамбула, по-видимому, на срок достаточно долгий для того, чтобы завязать тесную литературную дружбу с местными деятелями⁴¹. Из позднейших фактов его жизни видно, что он, по вероисповеданию армяно-католик, не чуждался научно-литературных отношений и с протестантскими миссионерами, американцами, которые принесли в Бейрут западную науку.

⁴⁰ Европейцам в Стамбуле хорошо был известен алеппинец-стихотворец Филипп Банна, любитель подносить оды знатным иностранцам: им воспел князь Жуанвиль, старавшийся обуздать пожар в Перс 1839 г., воспел прусский король Фридрих Вильгельм IV (1840—1861), понятно, и султан Абдул-Маджид (см. Huart, *Littérature arabe*, стр. 412—413). Оды Банна стали известны в Европе благодаря немецкому переводу Отто Рорига (Бреславль, 1843—1844), который даже в заглавии своих изданий титуловал автора: «*allein ruhmwürdiger Dichter unserer Zeit*» <<единственный заслуживший известность поэт нашего времени> (1843) и «*der bedeutendste jetzt lebende arabischer Dichter*» <<самый значительный из живущих ныне арабских поэтов> (1844). Заглавия, очень длинные, полностью приведены Ценкером: *Bibliotheca Orientalis*, Bd II, стр. 34—35. В истории русского востоковедения Ф. Банна оставил некоторый след тем, что у него занимался в Стамбуле будущий профессор Петербургского университета А. О. Мухлинский.

⁴¹ Об этом можно заключить из позднейших стихотворных воспоминаний Хассуна, обращенных к его бейрутским друзьям, в сборнике *Нафасат*, стр. 75—77.

Когда в 1853—1856 гг. разгорелась Крымская война между Россией и Турцией с ее европейскими союзниками, Хассун стал издавать в столице турецкой империи осведомительную политическую газету на арабском языке: «Мир'ат ал-ахвал» — «Зеркало современных событий», что переводят офранцузенные арабы, как «Revue contemporaine». Мы знаем, что в Египте Мухаммед Алией основал по образцу французского «Moniteur» свою официальную газету «Египетские Ведомости» — «Ал-Вака'и' ал-мисриййа» еще четверть века тому назад (1828). При всех культурных заслугах этой египетской газеты нельзя забывать, что она все же была издание правительственное, несколько стесненное официальными своими рамками. Стамбульская же газета Хассуна «Мир'ат ал-ахвал» явилась первым частным неофициальным издательством этого рода на всем Арабском Востоке. Она тотчас же вызвала подражание в Сирии⁴²; заслуга Хассуна состоит в том, что пионером в этой области явился именно он. Проявления какого-нибудь руссофильства мы в стамбульской газете Хассуна, конечно, еще не станем искать. Опасно для всякого было бы в турецкой столице выражать симпатии к России в тот момент, когда Россия вела против Турции военные действия. Император Николай I называл тогдашнюю войну «войною за ключи от гроба господня», за передачу их православным грекам. Кому, казалось бы, больше подобало принимать такие слова к сердцу, как не греческому духовенству? А между тем, цареградский вселенский патриарх Анфим из боязни, чтобы его не заподозрили в сочувствии православному государю, обратился в начале же войны в 1854 г. к султану с покорнейшей просьбой: пусть османский султан (этот халиф правоверных!) с наступлением весны отправит его, православного вселенского патриарха, со всем патриаршим синодом в Адрианополь, чтобы они горячими своими молитвами пособляли его султанскому величеству одолеть православных супостатов; и кроме того сей греческий архиерарх издал увещание к православным христианам турецкой империи помогать войскам турецким⁴³. Факт — достаточно показательный для стамбульской атмосферы военного времени. Хассун, хотя бы внутренне и желал победы русским (чего мы, наверно, не знаем), осторожно должен был ограничиваться в своей газете сообщением осведомительного материала, не без выражения, конечно, и обязательных в Турции верноподданнических чувств.

⁴² Мы имеем в виду упоминавшуюся «Хадикат ал-ахбар» в Бейруте (1858), за которой последовали два-три менее значительных издания (см. у Зейдана: *Ta'рих адаб*, IV, стр. 64—65). Слишком громко сказано у Х. Гибба (*Studies*, I, стр. 751): «a number of ephemeral journals which appeared in Syria between 1855 and 1860» <«некоторое число эфемерных газет, которые появились в Сирии между 1855 и 1860 гг.»>.

⁴³ См., например, письмо архим. Порфирия Успенского от 28 февраля 1854 г. в *Материалах*, т. II, стр. 541.

Своею журнальной деятельностью Хассун привлек к себе внимание некоторых либеральных турецких политических деятелей, кстати сказать, русофобов и англофилов. В их числе один был тогда начинающим политиком, Мидхат; другой, много старше — Фуад-паша (1815—1869). Фуад-паша превосходно говорил на европейских языках (он и в Париже и в Лондоне был послом) и уже состоял один раз министром иностранных дел Турции. В связи с Крымской войною и европейским разрешением ее последствий он опять был поставлен во главе министерства. Фуад-паша приблизил к себе Хассуна. В 1860 г., когда произошла памятная дамаская и ливанская резня христиан,⁴⁴ вызвавшая энергичное вмешательство европейских держав, Порта чрезвычайное расследование дела поручила Фуаду-паше, к которому Европа питала доверие. Он, отправляясь с высокими полномочиями из Стамбула в Дамаск, захватил с собою христианина Хассуна в роли секретаря, который должен будет переводить с турецкого языка на арабский все его указы и постановления. Недолго задержавшись в Бейруте, скорее прибыли в Дамаск. Одним из спасителей массы (до 1500 человек) христиан в Дамаске против турецкой резни был алжирский эмир — шейх Абдалкадир (1807—1883), прежде доблестно боровшийся в Алжире против французов (1832—1847), но с 1855 г. живший созерцательно в Дамаске, вдали от родины. Абдалкадир был и писателем. Стихотворения составили целый *диван*⁴⁵. Его умное и продуманное религиозно-философское сочинение *Зикра л-'акил* — «Напоминание для разумного» переведено было и на французский язык⁴⁶. Хассун постарался с ним познакомиться. Благородный образ шейха Абдалкадира, рыцаря-мусульманина, самоотверженно защищав-

⁴⁴ В Сирии в 1860 г. произошли кровавые христианско-мусульманские столкновения (особенно маронитско-друзские), которые были связаны с глубоко укоренившейся религиозной рознью, тесно переплетенной с социальными противоречиями (угнетение крестьян-маронитов помещиками-друзами, но также и борьба маронитских крестьян против маронитских феодалов). Феодалный класс был заинтересован в том, чтобы направить социальное движение крестьян (восстание Таниуса Шахина и др.) в русло общинной борьбы. В обстановке численного преобладания мусульман в Сирии и явного попустительства (если даже не прямого подстрекательства) турецких властей эти столкновения превратились в жестокое избиение христиан. К организации конфликта приложило руку правительство Франции, желавшее создать предлог для французской интервенции. К. Маркс писал, что правительство Наполеона III организовало «политико-религиозную драку... на Сирийском побережье». — К. Маркс, *События в Сирии. — Английская парламентская сессия. — Состояние британской торговли*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 15, стр. 102. Подробнее об этих событиях см.: Панченкова, *Политика Франции на Ближнем Востоке и Сирийская экспедиция 1860—1861 гг.* — А. Г. >

⁴⁵ *Диван* издан в Каире без обозначения года. Стихи Абдалкадира о его пилигримстве 1863 г. изданы и переведены по-немецки Х. Флейшером в ZDMG, Bd 18, стр. 615—620; поправка в Bd 19, стр. 314.

⁴⁶ «Rappel à l'intelligent, avis à l'indifférent» — перевод Г. Дюга (Париж, 1858). Оригинал издан в Бейруте.

шего избиваемых христиан, единоверцы которых отняли у него его родину, произвел сильное впечатление на Хассуна, и впоследствии он хвалебно посвятил Абдалкадиру кое-что из своего творчества⁴⁷. В то же время душа Хассуна, близко ознакомившегося с подробностями дамаской кровавой людской бойни, осталась полна неизгладимой горечи по отношению к двуличному и кровожадному османскому правительству, которое использовало мусульманскую религию и фанатизм черни для истребления многих тысяч беззащитных христиан-арабов. Ниже увидим, что Хассун уж и раньше был крайне невысокого мнения о религиозных достоинствах ислама, теперь его настроение могло лишь усилиться. Проницательный человек, он и в своем патроне, либеральном Фуаде-паше, мог уловить достаточно искренности по отношению к нетуркам Османской империи⁴⁸.

Фуад-паша, вернувшись в Стамбул из Сирии после дамаского расследования и казни полутораста зачинщиков резни (а зарезано было до 11 000 христиан), получил в 1861 г. назначение на должность великого везира. Хассуну он предоставил место инспектора табачной таможи и продолжал к нему относиться хорошо. В 1862 г. Хассун побывал на лондонской всемирной выставке в качестве секретаря того же Фуада-паши. Однако за спиной его кипела интрига. Когда он вернулся в Цареград, он был арестован. Внешним поводом были растраты, обнаружившиеся в его таможенном ведомстве; но главной причиной ареста и дальнейших грозных последствий был, несомненно, политический донос со стороны его врага, араба-маронита, отказавшегося от веры своих христианских предков и родичей и перешедшего в мусульманство. Этот араб получил в мусульманстве имя Ахмед, а пока был христианином — именовался Фари́с аш-Шидйак (1804—1887)⁴⁹.

Шидйак за два года перед тем (1860) начал издавать, тоже в столице Османской империи, полуофициозную газету на арабском языке «Джава'иб» — «Почта новостей», с подчеркнутой преданностью султану и исламу. Человек он был беспринципный; переход его в ислам едва ли был делом внутреннего убеждения,

⁴⁷ Об Абдалкадире Алжирском см. у Брокельмана: GAL, II, стр. 509—510. Биография его — во всех энциклопедических словарях, в том числе русском Брокгауза и Ефрона (изд. 1, т. 1, 1890, стр. 22; изд. 2, т. 1, стр. 28). В лейденской EI, I, стр. 45—48. <Yver, 'Abd al-Kadir; GAL, SBd II, стр. 886—887; Cossé-Brissac, 'Abd al-Kadir; И. Бу Азиз, 'Abd al-Kadir.>

⁴⁸ Ср., например, изрядно ироническую характеристику либерализма Фуада-паши у де ля Горса (*Histoire*, раздел о сирийских событиях), повторенную у Ламменса (*La Syrie*, vol. 2, стр. 184—187). В 1860 г. прессу всего мира облетела неуместная шутка Фуада-паши, сказанная им перед выездом из Стамбула в Сирию: «Если бы при завоевании христианских стран в XV—XVI вв. султаны сразу истребили всех христиан, то теперь Порте не пришлось бы терзаться вопросом о христианских подданных Османской империи» (см.: журнал «Странник», 1861, апрель, стр. 89, в хронике).

⁴⁹ Шидйаку как крупному арабскому писателю посвящен следующий раздел.

а не карьеризма; но все же, как всякий ренегат, он не мог без озлобления относиться ко всему тому, что способно было прославить отвергнутую им религию и унижить новопринятую. Поэтому к Хассуну мог Шидйак отнестись с ненавистью не только по личным мотивам, как к сопернику в литературной профессии и как к человеку с ядовитым языком, но и потому, что внезапно раскрылась авторская принадлежность Хассуну одного подпольно написанного трактата, крайне оскорбительного для Мухаммедовой веры: «Снятие покрывала с ислама» — *Хаср ал-лисам 'ан ал-ислам*. Хассун составил это беспощадно-обличительное произведение в 1859 г.; но, разумеется, оно распространялось среди арабов-христиан лишь рукописно и тайком, и прошло года два, пока наконец узнал о нем ренегат Шидйак и донес на автора, куда следует⁵⁰.

Хассуну грозила смертная казнь. Но он спасся бегством в Россию, — думается, пробираясь через черноморские прибрежья Малой Азии. Прожил он в России лет четверо, до 1867 г.

Как видно из лирических стихотворений Хассуна, он сперва попал на Кавказ, в приморский грузинский порт Поти у устьев р. Риони. Железной дороги от Поти до кавказской столицы Тифлиса тогда не было (она открыта в 1871—1873 гг.), и Хассун совершил свой путь до Тифлиса по-старинному, вверх по Риони, а оттуда по бассейну р. Куры. Величественная красота Кавказа его поразила, и он вспомнил в стихах, что ведь этот замечательный край, земля грузинов и армян, есть собственно его родина, родина его предков. В своем пиитическом восторге от Кавказа он находил, что с кавказскими местностями не могут сравниться прославленные живописные и цветущие местности Сирии, в том числе Дамаск с его рекою Барадюю (а Дамаск на Востоке считается «джаннат машамм» — «дышащий ароматами рая»). Тифлис в стихах Хассуна прекраснее всего; кахетинское вино бесподобно (хотя, как мы знаем, любители считают знаменитое «золотое» ливанское вино одним из превосходнейших в мире).

Поживши на Кавказе, Хассун направился сквозь всю Россию на север в Петербург. Россия в это время переживала пе-

⁵⁰ Хассуново «Снятие покрывала с ислама» продолжало исподтишка переписываться и распространяться среди христиан-сирийцев даже на рубеже XX в. Московский профессор араб-сириец Г. А. Муркос мечтал издать его в русском переводе, но отвлекся от этой мысли длительным переводом «Путешествия патриарха Макария» XVII в. По-видимому, Муркосова рукопись «Снятия покрывала» оказалась в руках петербургского сирийца-араба И. Г. Науфаля (1828—1902), читавшего (с 1859 г.) арабский язык и мусульманское право в Учебном отделении министерства иностранных дел; она сохранилась в бумагах Науфаля. В 1888 г. он издал книгу *Mahomet* (СПб.), в которой использовал многие иронические замечания Р. Хассуна о пророке и его религии; но по настоянию турецкого посланника в Петербурге перед министром иностранных дел книга Науфаля *Mahomet* не была выпущена в свет. Один экземпляр ее, секретно сохранившийся в библиотеке Азиатского департамента, я видел, благодаря любезности библиотекаря, в 1894 г.

риод «великих реформ» Александра II, и как бы они ни были недостаточны, для Хассуна контраст с покинутой им общественной обстановкой султанского турецкого государства представлялся сугубо разительным. В стихотворении «Россия» (оно, как и стихотворное путешествие по Кавказу, в свет издано несколькими годами позже) поэт вспоминает, что, пока он добрался до России, он видел только города, полные развалин, страдающие от произвола и грабежа правителей, подавленные рабским страхом. А в России простое село — словно Антиохия (конечно, не прежняя многолюдная и славная столица Сирии Антиохия, а находящийся на ее месте убогий небольшой городок Антакья Халебского вилайета, с несколькими тысячами жителей, как бы похороненный среди множества старинных развалин)⁵¹. «В России все живут в полной безопасности, избавленные от страха и боязни. Грабежи на дорогах немыслимы: они такие же сказки, как те, что по вечерам рассказывают про ведьм»⁵².

Маршрут из Тифлиса в столицу Петербург проходил через первопрестольную столицу Руси Москву, с ее огромной армянской колонией. Вероятно, Хассун не преминул тогда побывать в Армянском переулке, в армянской церкви, в знаменитом для всех армян Лазаревском институте восточных языков, где воспитывалось огромное количество армянских детей-стипендиатов, из самых разнообразных концов мира армянской диаспоры, не исключая и Алеппо. Но никаких сведений у нас об этом нет, если не считать глухого, смутного воспоминания старика-священника московской армянской церкви, который помнил о «каком-то беглом арабчаке из Турции», но имени «Хассун» не мог назвать. Действительно ли этот «беглый арабчак» был Хассун? Раньше Петербурга мы определенного следа Хассуна не можем установить.

Прибывши в Петербург, Хассун испытал, разумеется, необходимость (которую ощутительно сознавал, конечно, и во время проезда до Петербурга сквозь всю европейскую Россию) лучше изучить русский язык. Что он его изучал, это мы знаем из его дальнейшей литературной деятельности. В высшей степени вероятно, что еще в Москве, в Лазаревском институте восточных языков, указали Хассуну на существование очень подходящего для него свежего учебника Ф. И. Кельзи: «Русско-арабские общественные разговоры» (СПб., 1863). Эта книга в Москве была в ходу. Сверх «разговоров» в ней было напечатано десять русских басен Крылова с буквальным

⁵¹ Типично, что Гельванд в своей большой географии «Земля и ее народы» (т. IV) в разделе «Сирия» не счел нужным даже единым словом обмолвиться про Антакью, хотя упомянул «Латакию, с 10 000 жителей» (стр. 42). После того Антакья успела, правда, развиться экономически, и число жителей ее к нашим временам возросло не менее, чем до 25 000 человек.

⁵² Пользуемся буквально изложением И. Ю. Крачковского (стр. 29) в той статье о Хассуне, которую мы положили в основу.

арабским прозаическим переводом. Надо полагать, что именно «Разговоры» Кельзи и вызвали первый интерес Хассуна к Крылову. Не исключена, конечно, также другая возможность — что о существовании «Русско-арабских разговоров» Хассун впервые узнал только по приезде своем в Петербург. Не может быть ни малейших сомнений, что, оказавшись в Петербурге, он лично встретился и с автором книги. Это ведь был его земляк-халебей, такой же «арабчак» — из армян, такой же униат, а не армяно-григорианец. На родине, в Халебе, он назывался Абдалла Кельзи, и хотя имя «Абдалла», собственно, значит «Феодул», он его в России неточно переделал на более ходкое «Федор» и следился «Федор Иванович Кельзи». Родился он в 1819 г., был старше Ризкаллы Хассуна только на четыре года, и несомненно оба они, Абдалла и Ризкалла, играли в детстве вместе на улицах Халеба. В 1837 г. Абдалла Кельзи очутился в России, во семнадцатилетнем юношей; в 1856—1881 гг. он состоял лектором арабского языка в Петербургском университете⁵³. В личных беседах с Хассуном мог Кельзи заинтересовать Хассуна Крыловым даже гораздо больше, чем посредством своих «Русско-арабских общественных разговоров», где басен Крылова переведено только десять.

Впрочем, насчет отношений между Ф. И. Кельзи и Хассуном мы вообще не можем ничего высказать, кроме гаданий. Если мы знаем что-либо определенное о времяпровождении Хассуна в Петербурге, то только о его занятиях над редкими арабскими рукописями петербургских хранилищ. В 1867 г. Хассун переписал, очень каллиграфически, рукопись дивана Ахталя, поэта-христианина омейядских времен, хранившуюся в Восточном институте Азиатского департамента.

В том же 1867 г. мы видим Хассуна уж за границами России. Во Франции он повидался со своим покровителем Фуадом-пашою, которого в это время уж постигла опала. Постоянным местом своего жительства Хассун до конца жизни (ум. в 1880 г.) избрал Англию, именно одно небольшое местечко под Лондоном, и посвятил себя политико-литературной деятельности; он даже свою собственную небольшую арабскую типографию основал. Из англичан большим его приятелем был Э. Пальмер (1840—1882), молодой профессор арабист-иранист, который не только знал восточные языки, но и путешествовал по Востоку. Достаточно было в Англии и земляков Хассуна, арабов, которые проживали в Лондоне и других крупных городах по своим торговым делам иногда довольно продолжительное время. Живали тут и турки, которые с литературным арабским языком бывали знакомы. Тот факт, что газета, издаваемая Хассуном, могла в одном Лондоне расходиться чуть не в 450 экземплярах, показывает, даже если мы отнесем порядочную часть

⁵³ Умер Ф. И. Кельзи глубоким стариком, в 1912 г.

сбыта на долю англичан, что арабская и турецкая колония в Лондоне была не так уж и мала.

Начал, однако, Хассун свое арабское издательство в Англии не с газеты, а с литературно-политического сборника *Нафасат* — «Ехидные брызги» (Лондон, 1867). Посвятил он его из своего далека эмиру-шейху Абдалкадиру, благородное и самоотверженное поведение которого во время дамасской резни христиан он имел случай лично оценить при расследовании дамасского дела вместе с Фуадом-пашою. Собственно говоря, политических «ехидных брызг» (точнее — той ядовитой слюны, которую по капле сочит, «йанфусу», злобный аспид-ехидна, «силл») в этом сборнике не очень много: брызжет «ехидными слюнями» в сущности только предпоследний номер сборника (стр. 80—83), пасквильно направленный против ренегата-доносчика Фариса Шидйака, личного врага Хассуна. И ехидство чисто личное. Хассун взял из Корана семь стихов (XXIII, 1—7): «Счастливы верующие... которые осторожны в отношении к своим половым органам, ограничиваясь своими женами и невольницами» и т. д.; если переставить те 168 букв, которые заключаются в этих стихах Корана, то из них — показывает Хассун — можно составить превосходные ругательства, связанные с грязным нравственным обликом Шидйака⁵⁴. Остальной состав сборника *Нафасат* (1867) мы едва ли можем отнести к «ядовитым ехидным брызгам». Он почти весь (стр. 5—69) заполнен стихотворными переделками крыловских басен (числом 41, из тех, что переведены были прозой у Ф. И. Кельзи), — ну, а басенное бичевание нравов едва ли надо считать за дышащее ядом. Далее, на стр. 70 — услужливые, не ядовитые хронограммы на празднование (1866) дня восшествия на престол Османской империи тогдашнего султана Абдул-Азиза (1861—1876); видно, Хассун в то время еще рассчитывал на возможность примирения с турецким государем. На стр. 71—73 — уже известное нам поэтическое описание переезда Хассуна по Кавказу; оно заканчивается панегириком в честь благородного шейха Абдалкадира, христианского защитника, которому посвящен и весь сборник *Нафасат*. Стр. 74—75 — выше упоминавшееся у нас воспевание благодатной России. Стр. 75—80 — элегические воспоминания о бейрутских друзьях, о покинутом в Цареграде маленьком сыне Альберте, да две элегии так наз. тюремного жанра, обращенные к милостивому султану. Уж после этого идет пасквиль на Шидйака, очевидно, с расчетом уронить его личность и в глазах султана. После того — панегирик Англии (стр. 83—84).

⁵⁴ Шидйак отругивался в том же духе буквенных перестановок. По его словам, Хассун был «лисс» («вор»), теперь он превратился в «силл» («ехидный аспид»); прежде его дело было «сарақат» («кражи», т. е. таможенные мошенничества), теперь у него «нафасат» («сочащиеся ехидные слюны») — «Къан Хассун лиссан ва ла-ху сарақат; фа асбах силлан ва ла-ху я-Нафасат». В статье И. Ю. Крачковского *Ризкаллах Хассун* см. стр. 27.

Составляющий главную часть сборника *Нафасат* 1867 г. арабский стихотворный перевод басен Крылова уступает русскому оригиналу в том отношении, что совершенно лишен простонародности крыловского языка, которая нас так пленяет в баснях Крылова и позволяет совершенно забывать о их псевдоклассическом характере. У Хассуна — стремление писать по возможности ближе к угасшему классическому языку и соблюдать, по староарабскому обычаю, единую рифму во всех стихах переводимой басни. Лишь семь басен обработаны в менее томительной форме — строфической (*мувашишах*), при которой каждая строфа имеет свои отдельные рифмы, — это приятнее для чтения; да четыре басни облечены в оживленную форму рифмованной прозы. Лет за десять до Хассуна египетский писатель Мухаммед Джалаля выпустил в свет свою арабскую переделку французских басен Лафонтена (Каир, 1858), которая сделалась любимой в египетской школьной литературе. Джалаля не буквально переводил Лафонтена, а старался перенести французскую басню в восточную обстановку, наделить чужую басню особенностями египетского быта. Хассун по отношению к русским басням Крылова применил тот же прием. Так, «Тришкин кафтан» обратился под пером Хассуна в «Плащ Зейда»; крыловский русак Климыч, которому толкуют про Егора, а он украдкой кивает на Петра, заменен мусульманином Бакром, кивающим на Омара; мудрец получает классическое арабское имя Лукман; топография басенного действия — Андалусия, Самарканд и пр.⁵⁵ Однако достигнуть того успеха в арабизировании басен Крылова, какого достиг Джалаля в арабизировании басен Лафонтена, Хассуну не удалось.

Год спустя (1868) Хассун приступил к изданию в Лондоне арабской независимой газеты, которая, с тремя перерывами, продолжала выходить около двенадцати лет, до самой смерти Хассуна, и меняла после каждого перерыва свое название. Самое первое название газеты было: «Руджум ва гассак ила Фарис аш-Шидйак» — «Побиение Шидйака градом камней и ледяных комьев»; третье название, с 1876 г., оказалось то самое, под каким Хассун издавал некогда газету в Стамбуле во время Крымской войны: «Мир'ат ал-ахвал» — «Зеркало современных событий», в смысле «Contemporary Review». Для Хассуновской газеты Шидйак оказался мишенью уж не просто как индивидуум с грязным личным характером, а как редактор полуофициоза «Джава'иб» — «Почта новостей», с идеологией, вредной для арабов. В «Джава'иб» проповедовалось объединение всех мусульман под властью османского султана; в газетах Хассуна проводилась идея избавления всех арабов, мусульман и христиан вместе, от пагубной турецкой власти, и возбуждалась

⁵⁵ У И. Ю. Крачковского (*Ризкаллах Хассун*) анализ Хассуновской работы над крыловскими баснями дан, конечно, с подробностями (стр. 31—35).

надежда, что европейцы, русские прежде всех, сокрушат Турцию и дадут арабам свободу, хотя бы под своим протекторатом или под несколькими протекторатами; только тогда и возможно будет для арабов национальное и культурное возрождение. Хотя газеты Хассуна, как и естественно было ожидать, не были дозволены ко ввозу в Турцию, следовательно, и в Сирию, они все же туда контрабандно проникали, допустим, в небольшом количестве, и имели сравнительно большой круг читателей. На развитие арабской общественно-политической мысли их воздействие как-никак неоспоримо... разумеется, больше среди читателей-христиан, чем мусульман.

Параллельно с газетами Хассун выпускал в свет и иные издания. В 1870 г. типография Сирийского протестантского колледжа американских миссионеров в Бейруте напечатала хассуновскую стихотворную обработку наиболее поэтических библейских книг: Иова, Песни песней, Эккlesiаста и Плача Иеремии. Этот стихотворный библейский сборник озаглавлен: *Аш-араш-ши 'р* — «Поэтичнейшая поэзия». (Бейрут, 1870), а в предисловии объяснено, что библейский автор «Книги Иова», да грек Гомер, да англичанин Шекспир являются самыми высокими мировыми поэтами. Тогда же напечатано в Бейруте Хассуново новозаветное «Житие господне» — *ас-Сира с-сайидийа* (Бейрут, 1870); это сводка сообщений всех четырех евангелий об Иисусе. Два года спустя Хассун по рукописи Британского музея издал *Диван* Хатима Тайского, доисламского арабского поэта, прославленного своею безграничною щедростью (Лондон, 1872). В течение целой четверти столетия, пока не появилось критическое издание Шульцесса (1897), ориенталисты всегда ссылались на это хассуновское издание. *Дивану* предпослана (стр. 1—21) вступительная биографическая статья о Хатиме, выписанная из *Китаб ал-агани* X в. с привлечением Ибн Кутейбы IX в. и Майдания XII в.

Радостный для Хассуна исход русско-турецкой войны 1877—1878 гг. выразился в четвертой, и последней, метаморфозе его газеты. В это время сверх продолжавшей выходить в Стамбуле ненавистой для Хассуна «Почты новостей» Шидйака начал выходить в Париже (1878) политико-сатирический «Абу Наддара» египетского эмигранта Джемса Сануа, полный вражды к египетскому хедиву и англичанам и с реверансами по адресу турецкого султана. Хассун, успевший было на некоторое время прекратить издание своей газеты «Зеркало современных событий» по материальным соображениям, теперь возобновил издательство, но уже не в виде прозаической газеты, а в виде стихотворного двухнедельника под заглавием, которое вкратце мы можем перевести «Восточный вопрос»⁵⁶. Тут есть и панеги-

⁵⁶ На деле заглавие журнала длиннее: «Халл ал-мас'алатайн — аш-шаркиййа ва л-мисриййа» — «Разрешение обоих вопросов — восточного и египетского».

рики успехам русского оружия, и злорадные эпиграммы на поражение османских горе-полководцев, не сумевших отстоять Карс (1878), и стихотворные рассуждения о политике. Внезапная смерть Хассуна (1880) прервала этот стихотворный журнал (то, что вышло, составляет около трехсот страниц). Молва гласит, что скоропостижная кончина Хассуна была результатом отравы, которую поднес ему агент обозленного «повелителя правоверных», султана Абдул-Хамида II (воцар. в 1876 г.). Доказательств для этого обвинения нет; но вообще говоря, такой поступок соответствовал бы духу политики султана Абдул-Хамида II, «убийцы на троне», как его называли.

Неожиданная смерть не дала Хассуну возможности опубликовать готовый уже памфлетно-полемический сборник стихотворений, который даже своим заглавием показывает, что автор, подвергнувши полы и засучивши рукава (по-арабски это выражается глаголом «шаммар»), подтянулся на бой с турецким исламом. Называется памфлетный сборник *Мушаммират*, что свольностью можно перевести «Подтянувшись» или, пожалуй, еще свободнее: «В боевой готовности». Сборник увидел свет только лет двадцать спустя после Хассуновой смерти. Он полон призывов к свержению турецкой власти, полон изымательства и над султаном, и над потурнаком Шидйаком, и над той мусульманской верой, которая потворствует таким гнусным и преступным деяниям турецких властей, как истребление ни в чем неповинных дамасских христиан-арабов в 1860 г. (поживи Хассун дольше, он мог бы добавить и про армянскую резню, даже в Стамбуле на глазах Европы). Как и в журнале «Восточный вопрос», Хассун не позабыл и в сборнике позлорадствовать по случаю отнятия крепкого Карса от турков русскими в 1878 г. Напечатан сборник *Мушаммират* далеко за океаном в Южной Америке, в Бразилии, в городе Сан-Пауло, где образовалась в 1890-х годах значительная арабская колония со своим издательством; но, из предосторожности перед мусульманской мезью, на книге (1901) не обозначен ни город, где она издана, ни название типографии. «Тон стихотворений сборника таков, что едва ли благопристойность позволила бы перевести хоть одну пьесу полностью»⁵⁷.

VI

Фарис аш-Шидйак (1804—1887), маронит из-под Бейрута. Сотрудничанье в каирском офицозе «Египетские Ведомости» (1828). Переход в протестантство и многолетняя библейско-переводческая деятельность среди американских миссионеров на о-ве Мальте

⁵⁷ Крачковский, *Ризкаллах Хассун*, стр. 26.

А.Е.КРЫМСКИЙ

*

ИСТОРИЯ

НОВОЙ

АРАБСКОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

*

XIX-НАЧАЛО XX

ВЕКА

*

ГЛАВНАЯ

РЕДАКЦИЯ

ВОСТОЧНОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА•1971